

ЭТО ПРОСТО ИГРА

Шамиль Идиатуллин

WBOOKS!

The book cover features a stylized illustration with a digital, pixelated aesthetic. In the foreground, a woman with long dark hair and a red top is shown in profile, looking towards the left. Her face is partially obscured by a white, pixelated mask. Behind her, a man with dark hair and a blue fur-lined hood is visible, also looking left. The background is a vibrant blue sky with white clouds and a cityscape of white buildings with lit windows. To the left, a yellow castle with red roofs sits on a hill. The overall style is reminiscent of early computer graphics or video game art.

Шамиль Шаукатович Идиатуллин

Это просто игра

Серия «Фэнтези нового поколения. Игра»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68402858

Это просто игра: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-151824-0

Аннотация

Шамиль Идиатуллин – автор девяти романов, лауреат премий им. Владислава Крапивина и «Новые Горизонты», а также – двухкратный лауреат премии «Большая книга». Преимущественно известен как автор остросюжетных триллеров для взрослой аудитории.

«Это просто игра» – его фантастическая повесть, рассчитанная на более юного читателя. В ней рассказывается о приключениях Макса и Насти, чьи судьбы переплелись между собой и оказались связаны с миром видеоигры. Их единственной задачей становится вырваться из плена виртуальной реальности и не потерять свои личности в бесконечном калейдоскопе неожиданных поворотов и препятствий, главным из которых становится неподвиженный обмен телами.

Для среднего и старшего возраста.

Содержание

Пролог	9
Глава 1. Ты девочка	16
Глава 2. Гад настоящий	27
Глава 3. В той тьме	38
Глава 4. На этом свете	42
Глава 5. Та, что заправила постель	49
Глава 6. Без пароля	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Шамиль Идиатуллин

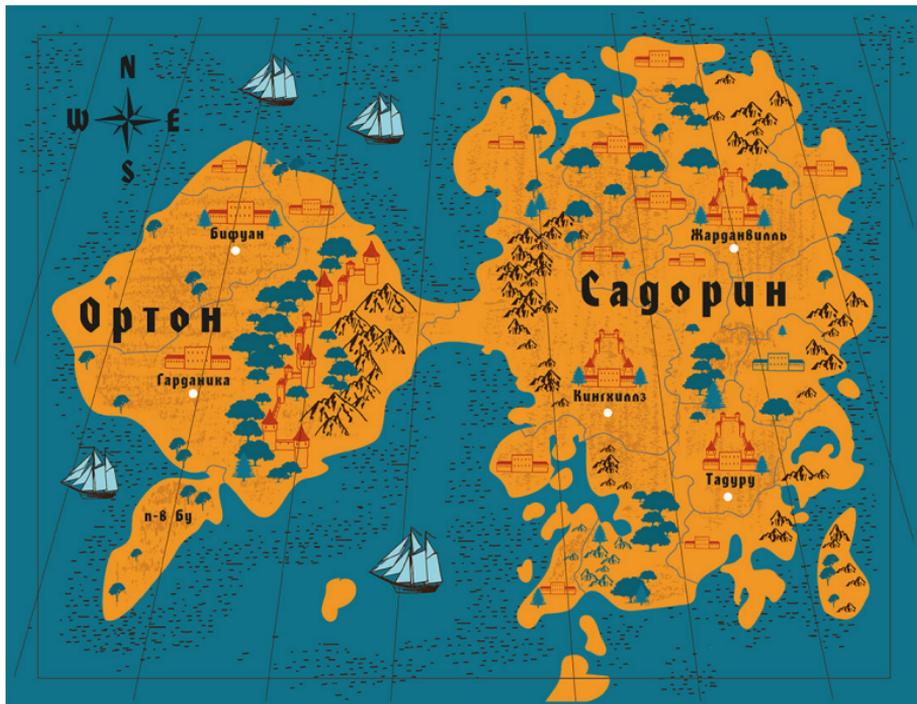
Это просто игра

© Идиатуллин Ш., 2022

© Савояр С., иллюстрации, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

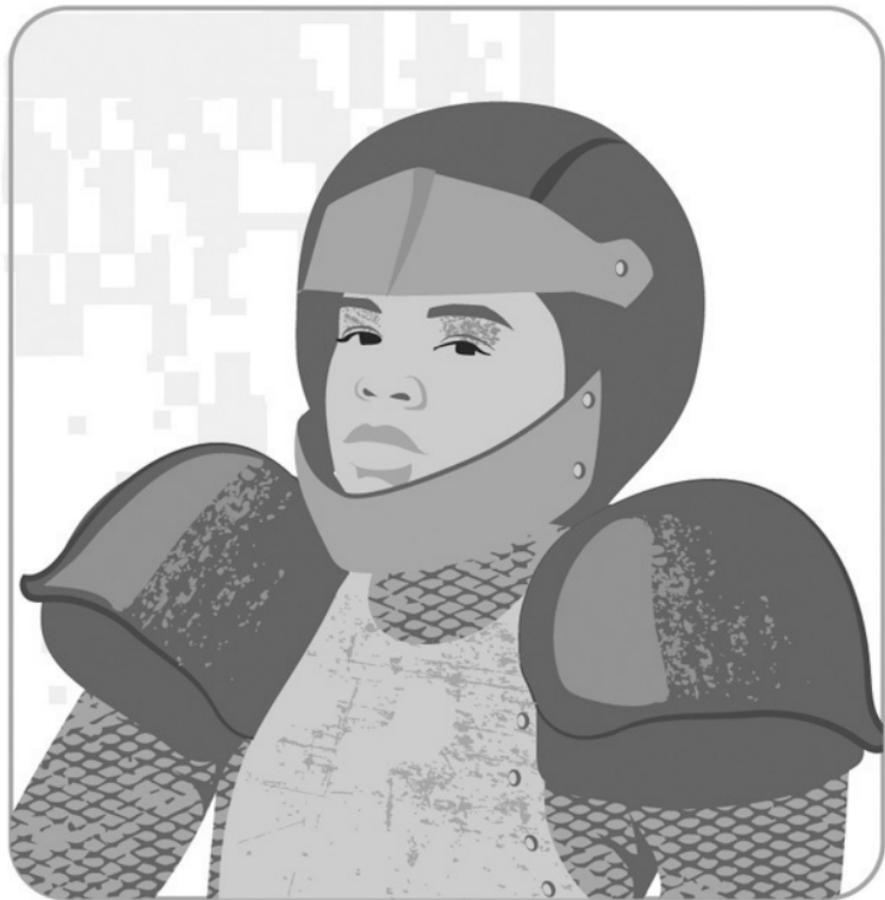

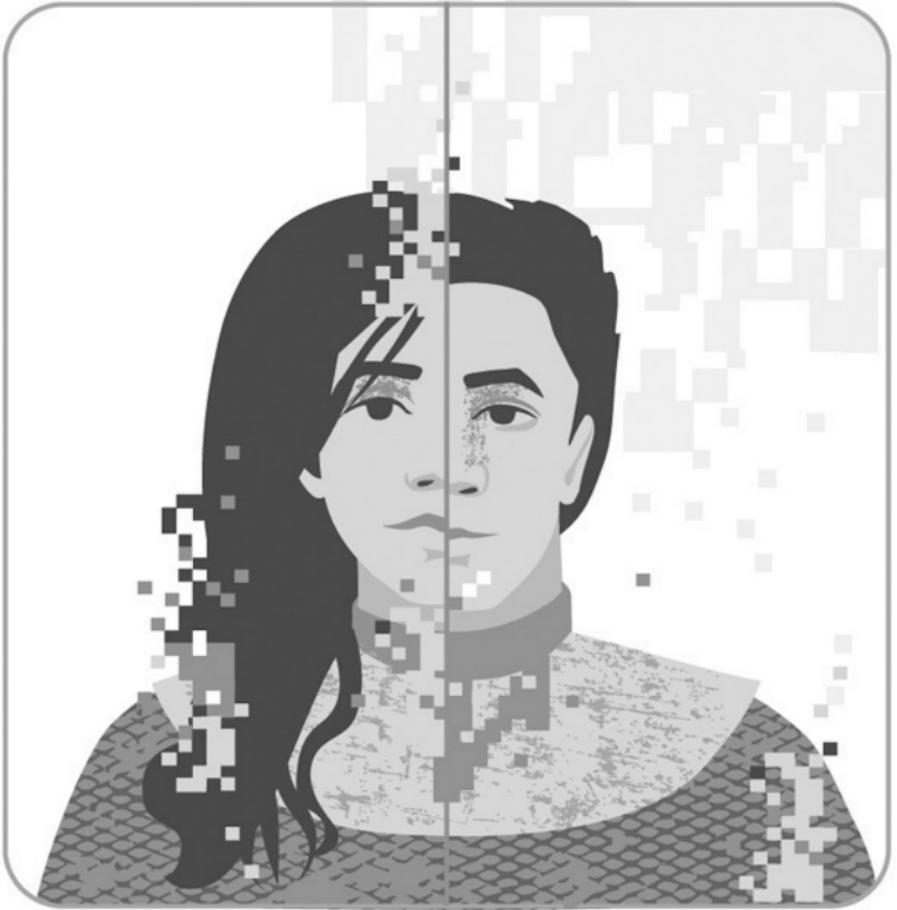
Алып

Шихуа

Балтаз

Mad Max

Пролог

Макс научился не просыпаться от лязганья засова, хотя тот лязгал будто в ушной раковине, аж зубы тянуло. Толку-то просыпаться – всё равно не вызовут. Сиди потом в кромешной тьме и густой тишине, как бабочка на зимовке, гоняй одни и те же мысли по кругу. Новых мыслей всё равно не добавится. Откуда им взяться-то. А старые надоели до слёз. Только Макс плакать не будет, пусть другие плачут. И мысли гонять не будет, и вспоминать не будет. Он поплотнее зарю-

ется в тюфяк и прижмёт к голове забитую соломой подушку. Солома не пахнет, но шуршит будь здоров, даже если просто пальцами по ткани поигрывать. Пусть шуршит. Дети от погремушки засыпают, а Макс от соломы будет. Каждый день и каждый раз. Пока не...

Лязгнуло второй раз. И третий.

Всё-таки вызывают.

Это какая-то ошибка, а ошибка тем более ничего не значит, но в груди и в горле всё равно заколотилось. Макс сел, нашаривая ногами сапоги и приговаривая, кажется, вслух: вызовут, да не выберут. Выберут, да не выживут. Выживут, да не...

Тьму с грохотом разрубила ослепительная щель, под занудный скрип распахнувшаяся во все глаза и весь мир. Макс опять не увидел, кто открывает двери, и не разобрал, что происходит. Просто взяли под мышки, поставили на ноги и подтолкнули, чтобы шагал куда-то сквозь свет. Глаза сочли это издевательством и бросились прятаться за веками и слезами. Когда прятки их утомили, Макс уже стоял в оружейной. Чуть покачиваясь, будто перед началом танца, который он и не помнил. Зато тело помнило.

Осмотреться и запомнить, где какое оружие, опять не получилось. Смотреть полагалось вперёд. Не полагалось даже, а просто не получалось иначе. Наниматель должен заглянуть в глаза воину. Ладно хоть не в зубы.

Макс пялился в прикрывавшую нанимателя пустоту, ко-

торая теперь была светло-коричневой. Пялился мрачно, не моргая – теперь это стало просто. Ну давай, смотри, какой я – тощий, белобрысый и негероический. Хорошенько смотри. Посмотрел? Теперь вертай меня обратно и иди качков выбирать, их тут полон форт. Меня вообще брать не положено, я свой, и только.

Светло-коричневое мигнуло и проросло светло-зелёным, со всех сторон. Макс стоял на заросшей травами поляне. Вокруг поляны росли толстенные дубы и деревья потоньше. Над поляной растянулось до прозрачности голубое небо с парой пухлых облаков. Была поздняя весна. Весной не пахло, пахло дымом, немного.

Макс поёжился и первым делом оглядел небо, потом себя. Драконов не было, надежды тоже, никакой. Макс был без лат и оружия. Вообще. Каким в камере дрых, таким его в лес и забросили. Штаны да камзол. Ну и в сапоги успел влезть. Самая снаряга для Рысьей Пади. А ведь сейчас туда и направимся, сто пудов.

На булат и стальную кольчугу Макс и не рассчитывал, их надо было заслужить. Но хотя бы кожаный нагрудник и паршивенький меч полагался всякому новобранцу. Такая экипировка не спасёт ни от дракона, ни от рядового ратника любой армии – но от разбойника или волка отмахаться поможет.

Раз Макса выкинули из форта голым, значит, у нанимателя денег нет вообще. Значит, и опыта нет. Значит, он за-

ставит новобранца переть напрямик – вон, по тропинке, которая идёт сквозь дубовую рощу мимо двух застав, ордынской и фэйргардской, и упирается в Рысью Падь. В общем, Макс, жить тебе осталось полмили и десять минут. Макс-имум. Прогулки перед сном полезны даже смертникам, крепче спать будут.

Макс вздохнул и шагнул – раз, другой, третий. И оказался за кустами в противоположной стороне от тропинки. Здесь не было ничего интересного – настолько, что Макс, похоже, стал первым посетителем этого участка суши. Ни следов, ни ровной земли. Макс пару раз чуть не грохнулся, прошёлся, пробежался и прокрался несколько раз туда-сюда и сообразил, что это не он принаравливается к лесному ходу, это на-ниматель так учится.

Похоже, у меня есть шанс, понял Макс, холодея, и пошёл по окружной дуге мимо застав и Рысьей Пади – в сторону деревень. Там любой желающий мог за полдня заработать пару монет и получить простенькое оружие. Местные жители охотно платили новым помощникам, приходившим колоть дрова или раздувать меха в кузнице.

Возможность не умереть сразу захватила Макса настолько, что полпути он пролетел, даже не заметив. И лишь на откосе, под которым ворчал, бросая искорки, узкий ручеек, Макс сообразил, что надо попробовать. Прямо сейчас. Потом будет поздно.

Обернуться на ходу не получалось, поэтому Макс чуть

наддал, прыгнул, поджал ноги – и, естественно, поскользнулся. Он умудрился не ухнуть в ручей головой, но взрыл каблуками весь склон и берега ручейка, по которым плясал, удерживая равновесие. Наконец застыл пятками на разных берегах, зыркнул по сторонам, присел, сильно вывернул голову – так, чтобы заглянуть себе за спину, не двигаясь с места, – и сказал по-английски, стараясь чётко артикулировать:

– Надень наушники. На-уш-ники.

Внизу забурило. Сердце как будто ухнуло в это бурление и сварилось – потому что вода вскипала из-за приближения файргардов, потому что убежать было особо некуда и потому что весь берег был в следах Макса. Макс зажмурился и от отчаяния вспомнил то, что забыл сто лет назад. Он открыл глаза и отчаянно прошептал, стараясь шевелить губами как можно понятней:

– Влево, жми *Alt, I* и *V. Alt, I* и *V*. Тремя пальцами, сразу. Быстро.

Макс, чудом не запутавшись в ногах, метнулся вверх по склону, прильнул спиной к корявому дубу и увидел, как на траву, ручей и всё вокруг упала полупрозрачная сеть, будто сплетённая из змеек изумрудного огня, упала – и тут же исчезла вместе со следами и комками земли, которые выбили каблукы Максowych сапог. Макс перевёл взгляд себе на грудь и ноги. Груды и ног не было. Была корявая кора дуба. Маскировка сработала. Значит, Макс вспомнил правильно, а наниматель правильно его понял. Значит, наниматель его слы-

шит и понимает.

Ручей взвыл и пошёл пузырями с кулак величиной. Деревья вокруг, наоборот, застыли. Волосы у Макса встали дыбом, прижатая к стволу кожа на спине пыталась зашевелиться сама по себе, а ногти и зубы нагрелись. В мёртвой тишине толчки копыт разносились как ритуальный барабан: чбомм. Чбомм! Чбомм. Чбм.

Файргарды объехали ручей стороной, так и не показавшись, только пара дымков поднялась в неровных щелях между далёкими деревьями. Зря заклинание только потратили, подумал Макс устало и тут же понял: нет, не зря.

Очень хотелось сползти спиной по стволу, чтобы содрать остатки шевеления. Но против воли нанимателя это не вышло бы. Да и наниматель для другого был нужен. Совсем для другого, очень нужен.

Макс негромко свистнул, чтобы привлечь внимание, задрал голову и спросил:

– Микрофон есть? Включи. Только не ори, тут все слышат.

Подождал несколько секунд, из последних сил удерживаясь от уточнений, получается ли и всё ли в порядке. И дождался.

Макс выслушал несколько фраз, всё шире улыбаясь, и протянул по-русски:

– Бли-ин. Ты наша!

И добавил упавшим голосом:

– Бли-ин. Ты девочка.

Глава 1. Ты девочка

– Ну извини. В следующий раз постараюсь родиться кем-нибудь получше.

– Настя, – сказала мама и посмотрела особенным таким образом.

Предполагалось, видимо, что Настя тут же начнёт извиняться искренне, а не как сейчас, или, наоборот, упорно интересоваться «Что Настя?», с каждым разом всё громче,

а потом выкрикнет какую-нибудь длинную нечленораздельную глупость и уйдёт в комнату, хлопая всеми возможными дверьми (в количестве, к сожалению, всего 2 шт.), чтобы потом опять-таки прийти извиняться.

Настя хмыкнула, кивнула, подтверждая, что да, это она Настя, и это норм, извините, если можете, – и вернулась к хлопьям.

Мама сделала ещё попытку:

– Настя, ну тебе же нравилась синяя юбка, длинная. Ты сама сказала – купим, а потом всего раз надела. Я вообще не понимаю, ты когда маленькая была, так платица любила, почему сейчас-то...

– Потому что выросла, – предположила Настя, доливая молоко.

– А я, значит, нет.

Мама была мастером провокаций, но Настя провела с нею всю жизнь и постепенно научилась на эти провокации не поддаваться.

– Мамуль, ты вечно молодая, и у тебя ноги красивые.

– А у тебя как будто...

– Мне есть что скрывать, – сказала Настя многозначительно.

Мама хмыкнула и велела заваривать чай. Настя принялась совершать короткие дрейфы от тарелки к чайному столику и обратно, объясняя между чайными манипуляциями и отхлёбыванием-пережёвыванием, что ноги у людей бывают разные.

ми, вкусы тоже, в юбке обязательно приходиться только на дни рождения шотландских королей, и вообще большая часть девочек носит брюки.

– Это у тебя в секции.

– Ничего подобного. Во всём мире. В Китае там, в Индонезии всякой – а там полмира живёт. Арабки ещё.

– Не выдумывай, пожалуйста. Арабки в таких чёрных бурнусах ходят с ног до головы.

– А под бурнусами что? Мы же не знаем.

– Ещё не хватало. Ладно, я поняла. Юбку ты не наденешь.

Но в джинсах на день рождения я тебе идти не позволю.

Настя вздохнула и констатировала:

– Значит, пойду в конных штанах.

Платья с юбками Настя не то чтобы не любила – просто не видела смысла в них на данном этапе. Платья штука красивая, они облегают, развеваются и летят по ветру под восхищёнными взорами. Но если нет восхищённых взоров и ветра нет, то и с платьями можно погодить. Тем более что в них ни побегать, ни прыгнуть, ни сесть нормально. То есть с секцией платье не сочетается вообще никак, с улицей – слабо, со школой – при огромных ограничениях. А школа сама по себе набор огромных ограничений, зачем собственных-то добавлять. Директриса, конечно, ворчала насчёт «ученицы должны быть скромными и элегантными», но лично утвердила два варианта формы для девочек – с юбкой и с брюками. Пусть ворчит дальше.

А против того, что девочка, Настя и не думала возражать. Никогда – в отличие, кажется, от многих подружек. Они бурчали, что пацанам, конечно, легче во всём: работать по дому особенно не заставляют, убираться тем более, учиться можно еле-еле, а уж про одежду и так называемую опрятность и говорить нечего. Было бы что опрятывать ещё.

Доводы обоснованные, Настя не возражала. Но подозревала, что столько же доводов не в свою пользу мог привести любой мальчишка. Да и маме с сыном было бы, наверное, сложнее, чем с дочкой.

Мужчины в их семью вписывались с трудом. Мама и Настя с этим смирились, бабушка, кажется, тоже, хоть и не признавалась. Только дед всё пытался всунуть мужскую руку, которой, он говорил, здесь очень не хватало. Дедовой руки хватало с избытком, но обычно на полдня, не больше. Потом она обречённо махала и вместе с дедом отбивала куда подальше. Обычно на дачу. Ну и ладно. Без дедушки было спокойней. Да и без бабушки, которая всё время пыталась устроить чью-то судьбу или хотя бы организовать движуху, потому что так интересней. Мама и Настя не спорили, но и не соглашались. Они вообще предпочитали не спорить и не соглашаться, особенно друг с другом. И в остальном были довольно похожими. Теперь даже размеры одинаковые. Ну, большинство размеров. «А через годик я твои вещи буду носить», – предупредила как-то Настя. «А я твои», – хладнокровно ответила мама. Настя сказала «ну-ну», но малость

напряглась и решила ответственной подходить к комплектованию гардероба – так, чтобы мама на него не претендовала.

Вообще Настя не жаловалась ни на гардероб, ни на судьбу. За редкими исключениями вроде сегодняшнего. Впрочем, сегодня удалось отделаться отступлением на заранее подготовленные позиции в виде чёрных юбкобрюк, которые Настя холодно ценила за удобство и чудовищную оригинальность. Ещё бы оборки оборвать – но тут мама стояла насмерть. Видимо, юбкобрюки входили в тайный список Настиных вещей, на которые мама готова претендовать, – и дикие кружевные оборки шли в этом списке отдельным подпунктом. Жалко маму: ждёт её огорчение. На днях рождения в отрыв уходят порой и куда более прочные объекты. Может, Полинкина днюха окажется такой вот отрывной.

Не оказалась.

День рождения вышел жутко застольным: народ перемещался от стола к столу, и всё. Не худший вариант на самом деле: у Варьки две недели назад все просто расплзлись по углам и два часа водили пальцами по экранам телефонов. Адски интересно. Особенно Насте, у которой телефон – простая звонилка без всякого интернета и почты. Зато батарейки на две недели хватает, не то что девчонкам, живущим в поисках зарядки. А игры, если что, дома есть, в компьютере.

У Полинки игры внезапно обнаружили не только в компьютере. Почти все надарили почему-то настольные игры или наборы «Юный химик», «Юный астроном» и прочих

«Кружевниц». Хотя понятно почему. Это раньше с подарками была легкота – узнаёшь, какого диска с игрой не хватает у именинника, его и вручаешь. Теперь все игры, фильмы и книги находятся на расстоянии щелчка. Их дарить бессмысленно. А деньги как-то некрасиво, всякий раз говорила мама и принималась таскать Настю по магазинам умных игрушек и познавательных досугов, пока Настя, озверев, не тыкала в первую попавшуюся коробку посолиднее. Главное – поавторитетнее сказать, что Юля, Варя или Полинка как раз такое любят и как раз такого у них не хватает.

Полинке такого точно не хватало. А теперь было с избытком. Стопа коробок из подарочных пакетиков высилась над столом, как мексиканская пирамида. Добив праздничный обед, народ воссел вокруг пирамиды, будто жрецы на главный праздник, и начал ритуал. Полинка деловито вскрывала очередную коробку, зычно созывала потихоньку расползающихся девчонок, раскидывала карточки или фишки по полю – чтобы через пять минут заявить: «Круто, потом поиграем. А тут чего?»

Девчонки ржали и предлагали замутить из «Юного химика» бомбочку. Рецепта бомбочки в коробке почему-то не нашлось. Народ переместился за третий стол, компьютерный – там, понятно, и залип. Полинка давеча зарегистрировалась в какой-то мегаактуальной онлайн-игре и теперь авторитетно вещала про её – и свои, понятно, – крутизну и величие.

– Нестеров инвайт подогнал, поняли? Он же весь влюб-

лённый в меня, ты что. А инвайт вообще ценный, потому что игра... Это такая крутая игра, короче. Там даже адреса нет, цифирки только, и вход, прикинь, только по инвайтам.

– Да ты шооо, – иронично протянули Дашка с Юлькой.

– Молчать ваще. Там, короче, можно самому персонажей создавать с любой внешностью, хоть свою копию по фотке, поняли? Хоть это самое, трёхглавого дракона.

– С тремя твоими бошками? Ужас.

– Не, я твои поставлю, чтобы ужас был.

Девчонки загалдели на привычную тему «Кто тут самая страшная», повытаскивали телефоны и принялись фоткать друг друга ради доказательств. Но Полинка, багровея, перерорала всех и умудрилась почти без повторов объяснить, что у дебила Нестерова был только пацановский инвайт, поэтому никакого персонажа они делать не будут, женских просто нет, а мужских – на всю школу хватит и ещё сто раз останется. Вопрос в выборе.

Настя к компьютерным играм относилась... Можно сказать, не относилась совсем. В телефоне иногда змейку или шарики гоняла, чтобы время убить в дороге или очереди. А специально что-то скачивать, где-то регистрироваться, а потом откусывать от собственной жизни по несколько часов в день ради спасения несуществующего короля, сжигания нарисованных танков или выращивания тыквы, которую всё равно никто не попробует, – спасибо, как-нибудь без нас.

Девчонки, сшибая стулья, рванули к монитору, а Настя

осталась за настольно-игровым столом. Она даже оглянулась на стол обеденный и подумала, не вынести ли от нечего делать грязные тарелки на кухню, но обереглась – мама Полинки на радостях могла припахать Настю мыть посуду. И Полинке потом досталось бы – типа матери не помогаешь, не то что Настенька, ну и так далее, со всеми вытекающими.

Настя потихоньку стала собирать по коробкам разбросанные настольные игры, попутно читая правила. Все интереснее, чем у компа толкаться. И в подхалимаже никто не заподозрит.

Полинка гаркнула:

– Вау, какие кони! Настьк, гля скорей!

Задолбали, подумала Настя, но всё-таки пошла. Я люблю лошадей, я их рисую и леплю, я занимаюсь выездкой и завтра у меня первые соревнования по конкуру, но это не значит, что мне надо тыкать в нос каждую криво нарисованную...

На экране ходила пара незапряжённых арабов, тракен и голландская чистокровная – все чётко и грамотно прорисованные. И вели они себя правильно, как настоящие кони в леваде, – друг к другу не подходили, но и не разбегались далеко. Если, конечно, считать правильным и настоящим, что несколько очень разных и очень дорогих элитных лошадей могут бродить вместе, и не в леваде даже, а по густой траве на опушке дремучего леса. Игра, одно слово, подумала Настя и вздрогнула вместе с остальными девчонками, а Полинка вскрикнула «Ай!» и, кажется, чуть не раздавила мышку.

По экрану чиркнули чёткие бурые полосы, ещё раз, экран стал красным, динамики сочно хрустнули, и вскинувшихся лошадей сменила заставка с готической надписью «*This Is Just The Game*».

Девчонки заспорили, дракон это был или подкравшийся гоблин, Поинка, поочередно хватая всех за руки, упира-ла на каких-то файргардов, потом вскричала, что теперь на-до правильного перса выбрать, а не дурачка деревенского, и все углубились в выборы правильного перса, перебивая друг другу и выкрикивая:

– Кирасира надо, он ездит чётко!

– Какого кирасира, он до лошади не доживёт!

– Эльфа, эльфа! Вон, с ушами!

– Не, гнома давайте, он прикольный!

– Лучше тётеньку!

– Нельзя нам тётеньку, это нужен рейтинг, чтобы не ниже тридцати тыщ, и тогда, короче, сразу дворец и герцогини, поняли?

– Ага, мы ж королевешны все!

Почти все зачем-то громко захохотали. Мама Поинки позвала:

– Королевишны, ну-ка чай пить.

Поинка заворчала про самое интересное место и про то, что «о, о, мне тут тоже инвайт дали, девки, гляньте». Но мама напомнила: «С тортиком! И свечами!» – и Поинка чуть не снесла Настю. Настя пропустила галдящий табун, а сама на

десять секунд задержалась перед монитором. Десяти секунд вполне хватает, чтобы переслать ссылку с инвайтом себе на почту.

Настя не знала, зачем ей эта игра. Не хотела она ни играть, ни лошадок рассматривать. Кругом полно роликов и снимков поинтересней и покачественней. Но дома Настя села за компьютер. Не сразу, конечно. Сразу полагалось отчитаться перед мамой о том, как прошло торжество, во что играли, что ели, поклясться, что сыта, довольна, урокоподготовлена и на-завтрашние-соревнования-настроена. А потом – в комнату, дверь поплотнее, динамики потише – и в игру.

Тут тоже получилось не сразу. Да и получилось совсем не то и не так.

Десять минут отняла регистрация, почти столько же – выбор персонажа. Нужен был наездник, лёгкий и быстрый. А наездников начинающим игрокам, похоже, не полагалось – ну или этим наездникам полагались фриззы да владимирские тяжеловозы. Настя забраковала нескольких амбалов, у которых не то что плечи – щёки в экран еле вмещались. Подумав, отбросила пару сладких красавчиков – слишком рослые потому что. И, вздохнув, выбрала самого невзрачного бота с элегантным именем *MadMaxMara*, который добавился в последний момент, – просто одетого мальчика без раздутых мышц. Прямо скажем, не красавца – и вообще без явных достоинств. Зато Мара лёгкий, не хлипкий, к тому же прорисован хорошо. Отлично даже. Остальные персонажи то-

же не выглядели халтурой, но мальчика будто залили в игру из профессиональной видеосъёмки – даже негустые ресницы видны. И лицо у него такое... Усталое. Человеческое. Настоящее, в общем. Как у соседа, с которым не знакома, но иногда встречаешься в лифте.

Он и оказался почти соседом. И настоящим.
Гадом.

Глава 2. Гад настоящий

Макс не считал себя гадом. Он просто любил играть. И умел, между прочим.

Макс играл всегда, везде и во что угодно. В игры на приставках, даже антикварных, с оранжевыми картриджами, в брелоке, в телевизоре через пульт, в телефоне. И в компе, конечно. Здорово играл: квест, на который отводился день, Макс проходил за час-полтора, стрелялки пролетал, почти не целясь. Гонки шли хуже, настоящие машины были инте-

ресней. А стратегии Макс вовсе не любил, скучные они, но, ввязавшись, добивался многого.

И это не то чтобы зависимость какая-то. Чокнутым Макс не был, хотя мама и ругалась, а папа где-то раз в месяц угрожал всё на свете запаролить, разбить и выкинуть. Или наоборот, в разной последовательности. Но не запароливал и не выкидывал. Потому что Макс, как говорится, видел берега, учился нормально, почти без троек и даже с пятёрками иногда. А потом начал заниматься этим, как его...

За спиной полыхнуло, и по небу, шипя, прокатилась волна жёлтого огня. Она опалила верхушки деревьев и пролилась глухими взрывами где-то за горами. Чтобы не вспыхнули волосы, Макс накинул капюшон из мешковины, а на взрывы вовсе не обратил внимания, хотя с деревьев сыпались скрученные листья и земля тряслась так, что даже усидеть было непросто. Он пытался вспомнить.

– Этим вот, когда буквы и цифры пишешь, и от этого игра идёт...

Он с надеждой посмотрел в небо над деревьями, где по его расчётам был экран, а за ним – лицо собеседницы, девочки Насти. Но девочка Настя была бестолковой. Или просто не понимала, что Макс ждёт подсказки. Откуда ей понять – она же не знала, что Макс умер уже трижды и поэтому забыл больше половины того, что было важным, основным и просто очевидным в настоящей жизни. Объяснять было долго, да Макс и сам запутался бы. Он ведь был своим личным

персонажем и не должен был доставаться никакому нанимателю – но доставался, и сражался за него, и погибал. И терял память, а понимания, почему это случается, не находил.

Подсказки Макс так и не дождался, с досадой вспомнил сам:

– Программированием, вот. Программированием я стал немножко заниматься: языки там, среды, всё такое. Папа и обрадовался такой весь. А куда программисту без компьютера. Значит, нельзя запароливать и отбирать, это же будущая профессия и вообще круто.

Макс грустно усмехнулся.

– Правда, что ли, программы писал? – спросил небесный голос с недоверчивым уважением.

Девчонка как есть.

– Ну как, немножко.

– А ты уже проходишь в школе, да? Тебе сколько лет?

– Пят... Четырнадцать, – буркнул Макс и заторопился: – Проходишь, не проходишь, неважно, надо чуть-чуть уметь, да можно и без этого – просто окошки открываешь, компилятор там, дебагер, и набиваешь коды потихоньку. А можешь не набивать, пусть окошки висят себе внизу, пока игра идёт. Мама или папа к комнате подходят, я окошко раз – открываю, и всё, никаких претензий. Они заглянули – я перед экраном, экран синий, во весь экран строчки непонятные. Прографирую типа. А за окошком игра вовсю, танки там ревут и так далее. Мама не слышит, я же в наушниках – по-

думаешь, может, просто музыку слушаю, чтобы программировать веселее было.

Макс ухмыльнулся и тут же помрачнел.

– Вот это окошко меня...

И замолчал.

– Что? – спросила девочка Настя с нетерпением.

– Не помню, – соврал Макс.

А может, не соврал, понял он сам с удивлением и испугом.

Он в самом деле забыл, кажется, как очутился здесь, – забыл тот миг, который сперва казался прикольным, счастливым и вообще главным поворотом жизни, а потом оказался концом жизни. Жизней. Всех.

– Я вообще всё меньше помню, – объяснил он неохотно. –

Помню, что я Макс, ну, Максим, Максим Андреевич.

– А фамилия? – спросил голос с неба.

Макс зажмурился и сказал:

– Андрей Викторович, мама Наташа, Наталья Геннадьевна. Блин, так не бывает.

Небо молчало. Память тоже.

– Блин... Ну Гаврилов же! – с досадой обрадовался Макс, распахивая глаза, и тут же сник: – Не, Гаврилов – это Дениска... Или он Клишенцев? Или Клишенс? Такие фамилии вообще бывают? Нет, точно...

Макс замолчал, стукнул кулаком выше колена. Хорошо стукнул, был бы настоящим – до синяка. Только здесь синяков не было и боли тоже. Здесь сразу кровь брызгала, а по-

сильнее ударишь – нога отлетала. А вот так, потихоньку, надо было стукнуть раз двести – и тогда повалишься замертво. Мёртвым, в смысле. А мёртвым Максу нельзя было становиться. Больше ни разу. Трёх раз более чем достаточно.

И хотя желание ударить посильней – не себя, так дерево или скалу, а особенно тех, кто его сюда засунул, кем бы они ни были, – просто душило Макса, он не стал ударять, а пробормотал сквозь перехваченное горло:

– Дур-рдом.

– Ты свою фамилию забыл? – спросила девочка Настя с ужасом.

Макс хотел ответить язвительно, но просто кивнул. Сил не было.

– А город, откуда ты?

Город. Москва, Припять, Вайссити, Рио, Дамаск, Масиаф, Гарданика, Бифуан, Кингхиллз. Нет, Гарданика, Бифуан и Кингхиллз – это здесь, а остальные, может, и не города. Кроме Москвы и, кажется, Припяти. В Москве я был... Кажется, был, да. А жил. Живу то есть.

Хотелось заплакать, хотя тут никто не плакал. Только женщины вроде бы, иногда, над павшим мужем, но женщины были во дворцах, а туда Макс так и не попал ни разу.

Он вздохнул и объяснил:

– Тут все всё забывают.

Ужас в голосе девочки Насти стал звонким:

– Так вас... нас... тут много?

Макс даже удивился:

– Ну... Наверное.

На самом деле он не знал, много их – нас – тут или мало. Большинство воинов, лазутчиков, торговцев, оружейников и кузнецов, не говоря уж о нелюдях типа эльфов и файргардов, были явными ботами, плоскими и бледными, хотя и выглядели вполне яркими и твёрдыми, некоторые – смертельно. А слухи про загадочных асатов, которые жили в игре, слишком невняты.

Тут девочка Настя и вернулась к теме, которую Макс обходил, сам толком не зная почему:

– А как они сюда попали? Как ты сам сюда попал?

Макс закрыл лицо руками и глухо сказал из-под ладоней:

– Я. Не. Помню.

Кое-что он помнил, странный такой набор. Макс не помнил, например, как узнал про игру и где взял инвайт, но помнил, что такое инвайт. Не помнил, когда и где сел играть впервые – скорее всего, в своей комнате, прибежав из школы, но уверенным в этом не был, тем более что школу и комнату почти позабыл, – зато помнил, как регистрировался, обходил возрастные и географические ограничения, подгружал свою фотку и делал внешность солидней и значительней. Дурак.

Волосы встали дыбом, тело будто распухло и поплыло вниз, за подогнувшимися коленями, и тут же стало твёрдым и звенящим. Звон наполнял мир, распирало горло и грудь, де-

лал глаза горячими, а всё оружие округи – видимым сквозь деревья и горы. Запахло дымом зажжённой спички – единственным на весь этот мир ароматом. Впереди собирался отряд лучников, в деревеньке кузнецы сгружали на подводы последние охапки сегодняшних пик и алебард, из крепости выходила, разворачиваясь, фаланга в тяжёлом вооружении. Драконов вокруг не было, во всяком случае, при всадниках или в железе. Труба всё пела.

– Что это? – спросила девочка Настя с некоторым испугом.

Её, наверное, слегка оглушили наушники. Или она через динамики слушает?

– Ты в наушниках? – крикнул Макс и снова повторил, нетерпеливо переминаясь.

Повторил, потому что Настя, кажется, не разбирала его голос даже сквозь затихающий боевой рёв, а переминаясь, потому что тело рвалось в бой. Макс ведь только внешность нарисовал и чуть приукрасил, верхнюю оболочку. А всё нутро и вся суть тела и персонажа были местными, созданными для того, чтобы рваться в сражение по сигналу.

– Битва начинается, – сказал Макс, сдерживая страшное желание вскочить и бежать.

Нельзя ему бежать, пока всё не объяснит и не договорится. Пережить первый бой не очень сложно, но две смерти из трёх Макс нашёл именно в стартовом сражении, хотя игроки были не совсем уж чайники. А девочка Настя даже не чай-

ник, ситечко в лучшем случае: сама призналась, что ни во что сложнее шариков и викторин не играла. Поведёт Макса в бой – и всё кончится.

Хотя ей-то что. Знай себе радуется:

– О, класс. А где лошади? Мы можем к ним пойти, и верхом?

Загорелась прямо не по-девичьи. А может, наоборот, по-девичьи, девчонки любят лошадей. Кони, знамёна, и чтобы доспехи блестели. Они же не знают, какая она, настоящая война. Пусть даже нарисованная.

Надо объяснить Насте, что лучше бы ей выйти из игры немедленно, лучше бы начать прямо сейчас искать его, Макса, следы в настоящем мире, найти его маму с папой, связаться с ними – и они придумают, как Макса вытащить, они же умные.

Но как их найти, если сам он никаких подсказок дать не может?

– Можем, можем, – сказал Макс напряжённо. – Ты только моих найди, не забудь. Пожалуйста.

– Как найти? – растерянно сказала девочка Настя. – Я не... Я не знаю.

– Ну, в этом, как его, где все разговаривают и картинки ставят, – сказал Макс и замолчал.

Он забыл, как называется штука, в которой все триндят целый день, картинками обмениваются и ставят значки, показывающие, как им эти картинки и триндеж нравятся. Он

всё забыл, почти.

Вернётся в настоящее – вспомнит, наверное. Но чтобы вернуться, надо вспомнить. Это называется заколдованный круг, а расколдовывать Макс не умеет – он не колдун и не ведьмак, а ученик воина всего лишь. Воина, которого ещё найти и уговорить надо. А пока найдёшь, могут убить, за-просто.

И как можно Настю отпускать, если она первая, кто Макс услышал? Остальным по фиг вообще, что там Макс орёт и шепчет, знай гонят на мечи и пики, а когда гибнет, видимо, другого перса берут. Девочка Настя вот услышала. Если она выйдет из игры, Макса подхватит другой игрок, погубит – и завтра Макс Настю не вспомнит просто. И имя своё не вспомнит, и маму с папой, и то, что вообще-то у него есть имя и мама с папой. Ничего не вспомнит. Станет стандартным ботом, как Сврдман или Таида, ярким, твёрдым, только чуть менее смертельным. Будет сидеть в темноте и иногда выходить на верную смерть. Кому нужен пацан-персонаж без выучки, доспехов и статной фигуры?

Сам виноват, конечно.

Сам и исправится.

Конечно!

Надо попасть в настоящее. Там и память вернётся, и всё остальное.

Макс уверенно сказал:

– Пошли. Видишь впереди скала, там, за толстыми дере-

вьями?

– Эвкалиптами, что ли?

– Да разница-то. Ну эвкалиптами, наверное, да. Веди меня туда.

– А что там?

– Ты лошадей хотела, да? Лошади ученику не полагаются.

Но есть специальная такая штука... Побежали.

Добежали быстро.

Скала была на месте, пещера внизу тоже. И в центре пещеры была та самая площадка с еле заметным в темноте голубым многоугольником под слоем пыли.

– Вот сюда. Да, в центр. Наушники погромче сделай и не снимай, – скомандовал он. – Только держись крепче, голова может закружиться, это недолго. Просто слушай.

– Что?

– Слушай, – прошептал Макс и на всякий случай зажмурился, потому что музыка уже текла мимо и сквозь, вкрадчивая и почти неслышная, но от неё дрожали ноги, холодели пальцы и вытягивалось что-то важное в животе и груди, как в тот раз, когда мама зашла и всё не уходила, а на экране было синее окошечко с буквами, и буквы надо было набивать сквозь холодок, истому и музыку, которая всё лилась и лилась, и Макс лился вместе с ней, когда мама ушла, вверх, немножко вбок, назад, стою нет лежу нет лечу-лечу хорошо и пахнет вкусно ой...

– Вот этого ещё не хватало, за компьютером спать. Да-

вай-давай, потихонечку, я тебя не подниму... В душ и зубы... Ты совсем разоспалась? Ну ладно, ложись, завтра два раза почищишь. Спи, Настя.

Какая я вам Настя, хотел сказать Макс, но одеяло оказалось блаженно тёплым, а голова всё запрокидывалась и хотела кружиться, и он падал и падал, улыбаясь чему-то настоящему и забытому.

Глава 3. В той тьме

Нет, ничего не забыла: схему помню, хлыст вот, сапоги начищены, редингот на мне. Редингот был удобным, но с непривычки несколько странным. Настя осторожно, чтобы не испугнуть Рому, поводила локтями, принаравливаясь. Коварный Ромей немедленно воспринял это как намек и пошёл

куда захотелось.

– На манеж приглашается Лопухова Анастасия, она выстывает на Ромее.

Настя вздрогнула, но бояться было некогда: Рома решил продемонстрировать фирменную задумчивость. Настя шлёпнула его хлыстом. Хлыст коротенький, конкурный, да и удар символический, муху таким не подобьёшь, но Рома всё понял и вернулся в послушное состояние.

Настя выехала на залитый солнцем манеж, поприветствовала судей, стараясь не щуриться от слепящего света, дождалась отмашки флагом и тронулась, с ужасом понимая, что всё-таки совершенно не помнит схему проезда препятствий, к тому же не видит ничего, кроме резкой белизны. Зато Рома, умница, видел – и намекнул, что готов выходить на прыжок. Настя послала, отчаянно надеясь, что это не конская такая шутка и что они вышли на барьер прямо и не сшибут бревно копытами или грудью. Рома выпрыгнул, высоко, выше, чем на тренировках, выше, чем когда-либо, ещё выше, уши заложило, веки завернулись старой кожанкой апельсина, дыхание перехватило, а Рома нёсся как лайнер на взлёте, как ракета, к тяжёлым балкам потолка – и Настя, ойкнув, подалась назад, завалилась на спину и ухнула вниз, вниз, вниз, со свистом и ужасом, не понимая, на коне она или уже нет, и он рухнет сверху, раздавив и размазавввв!

Настя резко села и вдохнула, длинно и хрипло. Пальцы во что-то вцепились, ноги дергались, сердце колотилось, как

японский барабан. Кругом была темень. А может, вообще ничего не было – только чёрная пустота.

Свет в доме отрубил, что ли, неуверенно подумала Настя. Но тогда время от времени светили бы фонари и поздние машины снизу, плюс луна всякая со звёздами. Может, во всём районе отрубил, к тому же новолуние и низкая облачность, например. Чего гадать, спать надо – завтра контрольная и соревнования, туда лучше в разобранном и невыспанном состоянии не соваться.

Мысль о соревнованиях бросила Настю в дрожь, мелкую и почти приятную, как горячая вода, обливающая замёрзшую руку. Настя участвовала уже в трёх соревнованиях, в двух по выездке и в одном по кюру, костюмированному фристайлу. Конкур, то есть прыжки через препятствия, предстоял ей впервые.

Спать почему-то не хотелось вообще. От волнения, что ли. Который час?

Настя пошарила рукой в поисках телефона и чуть не свалилась. Тумбочки рядом с кроватью не было, стула тоже, да и кровать была совсем не Настиной – и не кроватью вовсе. Лежак это был какой-то с рыхлым неровным матрасом и такой же подушкой. Они шуршали, будто набитые травой – даже не травой, а толстыми стеблями. И одеяло было странным, кажется, грубо сшитым из отдельных кусков. Спасибо хоть без запаха.

Настя осторожно спустила ноги. Пол твёрдый и холодный.

Каменный, что ли? Она проверила ладонями, выпрямилась и пошла, выставив руки перед собой. Немедленно наткнулась на стену, замерла и нерешительно крикнула:

– Эй.

Прислушалась и повторила, уже громче:

– Эй!

И уже во весь голос заорала:

– Ма-ама!!!

И тут Настя вспомнила дикий сон про Макса и компьютерную игру. Она старательно усмехнулась, уговаривая сердце не начинать снова барабанные увертюры, и очень спокойно сказала:

– Ерунда, не бывает так, не бывает, это сон, сейчас проснусь.

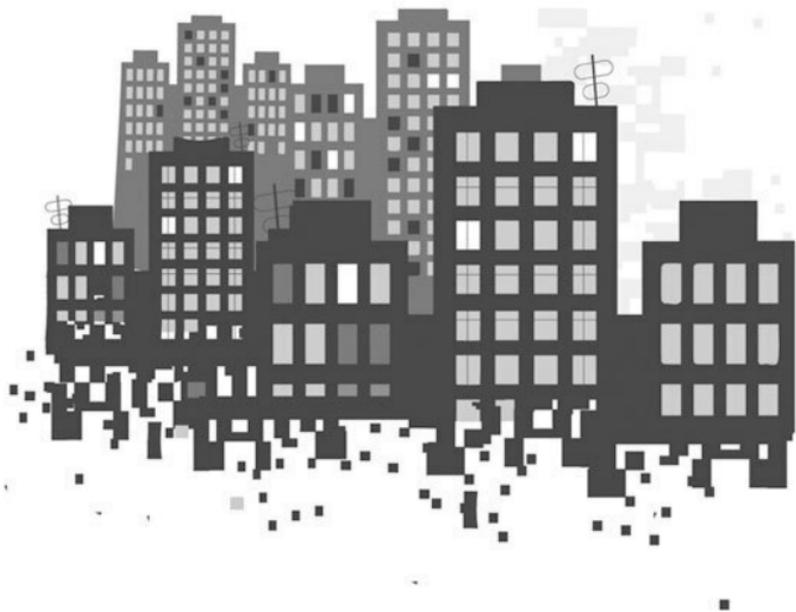
Оторвала руки от стены, развернулась к кровати, чтобы лечь, заснуть и проснуться в своей комнате, и тут же потеряла ориентацию и равновесие. Настя поняла, что снова валится с какой-то гигантской высоты на твёрдый пол – но теперь уже не во сне, а на самом деле, – поспешно села, подворачивая лодыжки, на твёрдый холодный пол и повторила сквозь всхлип:

– Мама. Мама!

Тьма молчала.

– Мамочка! – закричала Настя и, кажется, потеряла сознание.

Глава 4. На этом свете

Сознание возвращалось, как сорвавшаяся с оси карусель – то одним боком, то другим, взывая тут же замолкающей музыкой, дурманя вкусными ароматами и ослепляя вспышками даже сквозь сомкнутые веки. Ослепну ведь, подумал Макс, и решил в рамках борьбы с этой угрозой поспать ещё минут пять.

Женский голос вдали пропел:

– Анастасия Павловна, извольте откусать. Яишенки или ремешка, выбор за вами.

Какая Павловна, подумал Макс сонно. Нет здесь никакой Павловны, чего орать-то, поспать не дают.

Женский голос сказал ближе и уже не нараспев:

– Насть, вставай уже, опаздываешь. Сейчас поливать буду. Я серьёзно.

Настя, вспомнил Макс и судорожно сел на кровати.

Не очень широкой, но очень удобной кровати с мягким и лёгким одеялом, нежно-зелёным и в белых цветах. Вернее, не одеялом, а той штукой, внутри которой лежит одеяло. Кровать с Максом стояла в чужой комнате, небольшой, светлой и очень аккуратной. Стол с экраном, зеленоватое кресло на колёсиках, два узких желтоватых шкафа, полка с книгами. Сроду он здесь не был.

Знакомое было за окном в щели зеленоватых занавесок – чистое голубое небо, как везде. Ну кроме земель морогладов, над которыми висит хрустальный купол, а выше сразу космос. Макс откинул одеяло, встал, пошатнувшись, подошёл к окну и раздёрнул шторы.

Не было там ничего знакомого, кроме неба. Вокруг толпились дома в несколько этажей, но все были ниже окна, из которого смотрел Макс. Совсем внизу лежала дорога, по ней проворно бегали машины. Горизонт заслоняли дома и подъёмные краны. И что-то слегка заслоняло окно, как третья занавеска, полупрозрачная. Макс поморгал, поводит рукой пе-

ред собой и взялся за голову.

Не занавеска это, а волосы. Длинные. Мягкие. А, вот что жёсткое. Макс, щурясь и шипя, выдрал это жёсткое, и волосы бежевой волной закрыли всё на свете. Пока Макс сообщал, что произошло, дверь за спиной распахнулась и женский голос произнёс:

– Нафаня явился. У нас тут что, японский художественный фильм «Звонок»? О боже, на меня не иди только. Живо в туалет и умываться.

Макс медленно выдохнул и сообразил, что действительно жутко хочет в туалет. Это было странно: Макс успел забыть про такие неудобства напрочь, к тому же в туалет хотелось не так, как раньше. Макс попытался убрать волосы с лица, раздражённо собрал их с плеч и груди и замер. Провёл рукой ниже, провёл другой рукой, поспешно убрал руки, нагнулся, рассматривая себя. И рванул искать туалет.

Успел, к счастью, найти и разобраться, как и что теперь положено делать.

Из туалета Макс выскочил пулей, пробежал в комнату и сел на кровати, зажав чужие руки чужими коленками. Щёки горели. Стыдно было – жуть, как будто поймали, когда за девчонками в душе подглядывал. Так впрямь ведь подглядывал и впрямь поймали. Сам себя поймал.

Сказал бы кто Макс, что он будет так краснеть, шархаться и жмуриться, чтобы не подсекать – ржаки было бы на час. Это же мечта любого нормального пацана – подсмотреть, по-

нять, да просто полюбоваться. Макс, в принципе, считал себя нормальным пацаном, но сейчас настаивать на этом было непросто. Ладно, пока надо постараться пережить текущий период, а вернуться к вопросу, может быть, попозже, с какой-нибудь порядочной стороны. А пока я не хочу думать об этом и говорить об этом, вот. Разве что психиатру, если заставят и правильные уколы подберут. А психиатр пусть дальше сам выпутывается.

Но пока надо обойтись без психиатра, решил Макс и распахнул шкаф с одеждой. Чтобы через несколько секунд, изучив полку с бельём, тоскливо констатировать: попробуй тут обойдись. От полки отворачиваться хотелось, а не изучать – трусики какие-то, лифчики, всё белое, извращение, ёлки-палки. Может, без него как-нибудь? Нет уж, это точно извращение.

Ладно, МэдМакс, считай, что это просто игра. Играл же ты за воительниц, драконов и aliens? Ну вот тебе ещё вариант чужого тела напрокат. Относись бережно, но особо не парься.

Звуки с кухни стали угрожающими, а запахи звали, как песни форсированных сирен. Сейчас мать Насти придёт, а Настя до сих пор не одетая. Максовы родители в таком случае устраивали танец с саблями. Вряд ли подход Настиной мамы сильно отличался. Танцы у всех родителей разные, но смысл всё равно один: ребёнок должен быть сытый, одетый, вовремя и делать что велено. Велено было умыться, одеться

и идти завтракать.

Макс, озираясь на дверь, стянул с себя зеленоватую пижаму, украдкой покосился вниз, вспыхнул снова. Наугад схватил что-то с краю полки, зажмурился и принялся впяливать-ся. Ушиб локоть, два раза чуть не грохнулся, мелко проскакал по комнате на одной ноге, почти закатился под кровать, но всё-таки справился. Надел всё куда надо и даже, кажется, не задом наперёд и не наизнанку. Неудобно было зверски, но хоть взглянуть вниз не стыдно. То есть не совсем стыдно. Но глядеть надо было не вниз, а вперёд.

На компьютер.

Надо же проверить, как там Настя и всё остальное.

Проверить не удалось – комп был запаролен. Варианты «Настя», «Анастасия», «Пароль», «Password», а также «123» и «1234567», которые успел попробовать Макс, не подходили. Надо дату рождения Насти срочно узнать, девчонки обычно его в пароле используют, подумал Макс и метнулся к шкафу. Дверь открылась, и мама Насти возмущённо воскликнула:

– Ты что, ещё не одета? И постель не заправлена?!

Макс поспешно схватил плечики с чем-то наиболее напоминавшим школьную одежду.

– Ой. Конец света. Всё-таки юбку наденешь? За шампанским сходить, что ли? – задумчиво произнесли от двери.

Макс отчаянно замотал головой, с лязгом воткнул вешалку на место и уже прицельно выхватил брюки с пиджачком.

– Эх, сглазила, – посетовала Настина мама. – Ладно, ещё не вечер. Я Полинкиной маме позвоню, узнаю, чем она вас опоила, и такое же сделаю. Будешь рано ложиться и юбки носить. Через две минуты на кухне, не выйдешь – выброшу всё, голодная в школу пойдёшь. Время пошло.

Макс украдкой посмотрел ей вслед. Мама у Насти была стройная и, похоже, молодая-красивая. И одета была как в кино: в узкую серую юбку и такую типа рубашку светлую, у женщин рубашки как-то по-другому называются, Макс не помнил.

– Блузку белую не забудь надеть, сегодня открытая контрольная! – крикнула мама Насти уже с кухни.

Макс, тихо рыча, содрал и швырнул на кровать блузку, которую успел уже наполовину застегнуть и которая оказалась голубоватой. Пуговицы на девчачьих блузках застёгивались шиворот-навыворот и были совершенно уродскими. Сами блузки, впрочем, тоже. Макс порычал ещё немного и всё-таки повесил блузку обратно в шкаф, чуть не разодрав полоам, пока впяливал плечики. Ещё пришлось рычать, чтобы быстро справиться с белой блузкой и брюками, заправить постель – как уж получилось, – а также убедиться, что ещё несколько быстро придуманных паролей не подходят.

В две минуты Макс, конечно, не уложился, но мама Насти встретила его спокойной, а яичница с колбасой – горячей. Завтрак был вкусным, а мама Насти – действительно молодой и красивой, хоть слегка утомлённой прямо с утра. Па-

пы, похоже, не было. И дома, и вообще. Тем проще, подумал Макс и даже не устыдился этой мысли. Настя всё равно не слышит.

И ей всё равно не до этого.

Глава 5. Та, что заправила постель

А до этого края – три шага. Итого шесть квадратных шагов. Пол из широких каменных плит, очень ровный, хоть в бильярд играй: плиты уложены идеально и почти без стыков. Босиком ходить холодновато и боязно, как по толстому стеклу. Ладно хоть сапоги возле койки нашлись и вроде подошли, хотя то ли с ними, то ли с ногами что-то не так. Койка – вернее, здоровенный застеленный брусок типа сундука, гроба или гигантской ступени у стенки. Стены из бугристых ва-

дунов, на ощупь одинаковых. Никаких окон. Дверь одна, из корявых брёвен, сбитых множеством толстых железных полос. Ручки и замочной скважины нет, щелей не видно. Всё.

Настя колотила в дверь с полчаса – кулаками, пятками, каблуками снятых сапог. Звук выходил еле-еле, Настя сама-то едва слышала, а с той стороны тишина, наверное, оставалась мёртвой. Ни скрипа, ни шороха, как в погребке. Правда, в погребке обычно холодно, а здесь было – никак. Ни тепло, ни холодно.

Нормально.

Такой вот, Анастасия Павловна, у нас теперь норм.

Ни фигя подобного.

Ладно хоть есть не хотелось и в туалет тоже. Кстати, про туалет: Настя вспомнила, что в камерах обязательно должно быть отхожее место, его ещё парашей называют. Парашу Настя представляла себе довольно смутно, но в этой камере не было совсем ничего, ни смутного, ни явного. Койка, расчёт окончен.

Может, тут ведёрко приносят вместе с едой? Чтобы всё сразу делать, как дед говорит, не отходя от кассы? А если раньше захочешь, в угол ходить, что ли?

Настя принюхалась и поняла, что либо никому до неё эта ужасная мысль в голову не приходила, либо она вообще здесь первая – не мысль то есть, а Настя, и не в голове, а в камере. Запахов вообще не было никаких. А должны ведь быть. Может, вентиляция где-нибудь в потолке потихонечку про-

ветривает камеру?

Настя замерла, но опять не услышала ни звука. Не почувствовала ни дуновения. Не уловила ни запаха. Нюхать особенно и не хотелось, честно говоря. И даже дышать. Ой. Правда, что ли?

Настя перепуганно попробовала подышать. Получилось без проблем. Попробовала не дышать. Через минуту в голове зазвенело, а ниже застучало. И звенело, и стучало – и минуту, и две. Настя выдохнула, вдохнула и на сей раз ясно поняла, что может обходиться без повторов. Просто замереть – и жить дальше, не дыша. О господи.

Но сердце-то бьётся?

Настя прислушалась и не поняла, бьётся или нет.

Норм. Она неживая, что ли? Типа зомби?

Сами вы зомби.

Настя заплакала и несколько раз повторила вслух: «Сами вы зомби, сами, поняли?!» Никто, конечно, не откликнулся.

Она почти уверенно шагнула к койке, села и попыталась успокоиться. Во-первых, и так уже пол-литра выплакала, а толку нет. Во-вторых, это ведь дополнительное доказательство того, что Настя стала зомби – влагу теряет, а пить не хочет. С другой стороны, это можно считать и, наоборот, доказательством того, что Настя не зомби – зомби ведь не плачут. Настя с трудом отвлеклась от размышлений над столь противоречивыми условиями и напонила себе: в-третьих. Да, в-третьих, чего реветь-то? Думать надо, как выбраться.

Тут условия, к сожалению, были непротиворечивыми: и так понятно – никак, думай не думай. Не для того гад Макс её сюда заманил, чтобы легко выпустить. Теперь, небось, новых доверчивых дурочек заманивает. И сидеть тут Насте, пока гад про неё не вспомнит.

А если не вспомнит? Ну хоть выплюсь толком, подумала Настя с неожиданным равнодушием. Последняя неделя была нервной – контрольные эти, подготовка к соревнованиям, ещё и готовить приходилось, потому что у мамы на работе замот. Даже в выходные выспаться не удалось. Сейчас наверстаем. Ляжем, растянемся как следует под уютное шуршание соломы и чуток вздремнём. Часок. Или пару. Надо будет – разбудят.

Настя вскочила так резко, что аж зашаталась, и обругала себя серьёзными словами. Спать решила, дебила. В каменный ящик похоронилась, нюх потеряла, дышать не может – самое время поспать, ага.

Настя решительно шагнула к двери, чтобы выбить её ко всяким бабушкам, но вспомнила последнюю попытку и так огорчилась, что присела на койку. Снова накатила дремота, тихая и ласковая.

Настя вскочила. Спать не хотелось.

Ага. Всё понятно.

А давай-ка заправим постель. На заправленной валяться жаль, да и мама ругается. Тут мамы нет – так, не отвлекаться, строго велела себе Настя и плакать не стала, – да и в полной

тьме кто увидит, заправленная койка или нет. Уж не Настя точно. А всё равно заправить надо.

Она взбила подушку, помяла и разгладила матрас, растянула одеяло так, чтобы свисало более-менее равномерно со всех сторон. Кроме той, что у стены, конечно – там одеяло то вставало волной, то криво отъезжало, показывая узкую полоску матраса. Это дико раздражало.

Стоп. Что значит показывая?

Настя отодвинула матрас, рухнула коленями на койку и чуть не сломала нос, сунув голову поближе к стене. Ну да, так и есть: там, где лежак упирался в стену, шла длинная щель, вокруг которой тьма была не абсолютной, а сероватой. Стежки на одеяле разглядеть нельзя, а очертания пальцев – запросто.

Настя прошлась вдоль всей щели ногтями, простучала, прослушала и продула её, попыталась подковырнуть краем каблука. Без толку.

Настя снова натянула сапог, встала рядом с лежаком, обозвала его несколькими обидными словами и пнула – со всей силы.

Койка наполовину въехала в стену, открывая прямоугольный провал в полу. Провал был синевато-серым, как небо перед рассветом.

Настя зажмурилась – глаза одичали даже от такой пародии на свет, – поморгала, присела, вгляделась, поднялась и пнула лежак ещё раз. Он уехал в стену целиком, совершенно

беззвучно.

Настя снова присела, подумала и осторожно макнула в проём палец. Никто его не откусил. Вообще ничего не произошло. В провале был воздух, такой же, как в камере, не теплее и не холоднее. Настя опустила руку по запястье. По локоть. Повозившись, села с краю и медленно-медленно, как в горячую ванну, опустила в дыру ноги – готовая тут же выдернуть их и повалиться на спину. Если кто-нибудь схватит, например.

Никто не хватал.

Настя посидела, болтая ногами, наклонилась, пытаюсь рассмотреть, что там происходит ниже пяток. Ничего там не было – чёрные края отверстия, прорезанного в очень, оказывается, толстом полу, а ниже серая ровная пустота. Такая же камера, наверное.

– Эй, – сказала Настя вполголоса и прислушалась. Ни ответа, ни эха.

Наверное, там была не камера, а ход в пещеру с сокровищами. Или кладовка с картошкой. Или лаз из темницы обратно в настоящую Настину жизнь. Да что угодно – и пока сама не проверишь, не узнаешь.

Настя подумала, огляделась и решилась. Покрепче ухватилась за ровный край отверстия, прошептала на всякий случай «мама, прости», извернулась и скользнула вниз, повиснув на руках. Стукнулась локтями, запоздало сообразила, что можно было скрутить верёвку из одеяла, потом поняла,

что смысла в этом было чуть – если, допустим, высота тут сто метров, какая разница, со ста метров я упаду или с девяноста восьми? Соображение было логичным, но пугающим. До Насти дошло, что она может и не влезть обратно – с подтягиваниями у неё всегда были непростые отношения. А потом дошло, что влезать ей особо и незачем.

Настя попыталась заглянуть вниз через спину или через грудь, чуть не свихнула голову, поболтала ногами, подышала вхолостую, ещё раз прошептала «мама, прости» – и разжала пальцы.

Глава 6. Без пароля

– Что ж у тебя всё падает-то вечно. Готова? Так, а голова-то. Причёсываться когда начнёшь нормально?

Макс возмутился, потому что задолбался запихивать волосы под резинку на затылке – да и больно было зверски. Стало ещё больнее – мама Насти снова содрала резинку и стянула Максовы – вернее, Настины – глаза к вискам. Но хотя бы быстро это сделала. Критически осмотрела результат

и скомандовала:

– Выходим.

Макс затоптался у двери, туго соображая, какую из пяти пар обуви надевать и каким образом. Явно не на высоких каблуках – а в остальном не разберёшь, размеры у мамы и дочери одинаковые. Спасибо хоть не все – но имевшиеся впечатляли вполне.

– Светлые надевай, тепло сегодня, – скомандовала мама Насти. – Стоп. Ты телефон взяла? Понятно. Опять забыла. Бегом, опаздываем уже.

Знать бы ещё, где этот телефон. А вот, оказывается, на столе, на специальной площадочке. Чокнутая эта Настя на порядке, но иногда это не только раздражает, но и помогает. Телефон был совсем деревянным, без интернета, почты и вообще каких бы то ни было плюшек – чисто звонилка с камерой. Макс с таким и выйти стыдно было бы. Или нет? Макс постарался вспомнить, какой телефон был у него, но не смог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.